

Виктор Пронин

Убить дерево

*Часть сборника
Слишком большое сходство
(сборник)*

Виктор Алексеевич Пронин

Убить дерево

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179609

Виктор Пронин. Слишком большое сходство: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-13116-7

Аннотация

«Остановив самосвал у самой калитки, Женька наскоро осмотрел кабину – не забыл ли чего? И, ссутулившись, заранее сморщившись от дождя, который сейчас окатит его, прыгнул на дорогу. Потом с силой захлопнул дверцу, для верности подергал ручку и побежал к террасе, освещенной слабой лампочкой. Но едва оказался под навесом, увидел, что следом за ним по кирпичной дорожке, влажно мерцавшей среди деревьев, бежит еще кто-то, неуклюже стряхивая на себя потоки воды с деревьев. Женька присмотрелся и узнал Деева, соседа, занимавшего вторую половину дома, когда-то неплохого, добротного дома. Когда Деев поднялся по ступенькам, Женька увидел, что лицо у старика мокрое и какое-то растерянное...»

Виктор Пронин

Убить дерево

Остановив самосвал у самой калитки, Женька наскоро осмотрел кабину – не забыл ли чего? И, ссутулившись, заранее сморщившись от дождя, который сейчас окатит его, спрыгнул на дорогу. Потом с силой захлопнул дверцу, для верности подергал ручку и побежал к террасе, освещенной слабой лампочкой. Но едва оказался под навесом, увидел, что следом за ним по кирпичной дорожке, влажно мерцавшей среди деревьев, бежит еще кто-то, неуклюже стряхивая на себя потоки воды с деревьев. Женька присмотрелся и узнал Деева, соседа, занимавшего вторую половину дома, когда-то неплохого, добротного дома. Когда Деев поднялся по ступенькам, Женька увидел, что лицо у старика мокрое и какое-то растерянное.

– Привет, батя! – Женька пожал влажную холодную ладонь Деева. – Ты чего это по ночам шастаешь, людей пугаешь?

– Вот. Смотри. – Деев протянул размокший клочок бумаги.

– Что это?

– А то! То самое! Ордер! Новая квартира мне светит, понял? И тебе тоже. А это, – Деев постучал кулаком по бревенчатой стене, – на дрова. Понял?

– Чего ж, все как есть понял! – ответил Женька, не скрывая радости. – Состоялось, значит, все-таки... Долго они тянули. Я уж подумал было, что все заглохло. Скоро новоселье праздновать будем, а, батя?

– Попразднуем. – Деев взял ордер, сложил его, сунул в карман. – Попразднуем, – повторил он, невидяще глядя куда-то в шуршащую дождем темноту сада.

– А ты вроде и не рад? – спросил Женька. – Как же это? Сколько было разговоров, а тут на тебе! Не-ет! Что-то, батя, ты не туда подался, ей-богу! Ведь ты, можно сказать, мечтал эту квартиру получить, и вот мечта твоя сбывается, а? Мечта, она ведь такая, не у каждого...

– Да ладно тебе! Мечтают вон девицы замуж выйти! – Деева, видно, раздражало само слово «мечта».

– Ну ты даешь, батя! Воду не таскать, печку не топить, крышу не латать! Тепло, сухо, чего тебе еще?!

– Так-то оно так, – вздохнул Деев и присел на ступеньку. – Так-то оно так...

– А что не так?

– Нету радости, понял? Думал, радость будет, а ее нету.

– Это, батя, потому, что большая удача на тебя свалилась. Такая, что и зашибить может. Вот она тебя и ахнула... Как мешком из-за угла.

– Думаешь, в этом дело?

– А чего тут думать? Посмотри на себя – ты весь какой-то ахнутый. Может, тебе выпить надо, а? У меня есть кой-че-

го... А?

Не ответив, Деев медленно, тяжело спустился по ступенькам и напрямик через малинник, не прячась от дождя, пошел к своему крыльцу.

* * *

Утром, прикинув к окну, чтобы посмотреть на погоду, Женька увидел в саду Деева. В резиновых сапогах, серой фуфайке, ушанке с проплешинами, он был почти незаметен среди оголенных деревьев, с которых еще падали редкие капли ночного дождя.

И лопата в руках у Деева с налипшими комьями мокрой земли тоже была какого-то серого цвета.

– А, сосед! – приветствовал его Деев, едва тот появился на крыльце. – Долго спишь.

– Суббота... – Женька медленно сошел по ступенькам, сунул в рот тощую мятую сигаретку.

– А я побывал сегодня там, полюбопытствовал... Возле нашего дома... Тут недалеко, оказывается, километра три будет.

– Блочный? – спросил Женька.

– Не, кирпичный. Серый, правда, кирпич, холодный. Кто его знает, может, он и неплохой, но только мне серый не нравится. Будто отсырел и никак просохнуть не может. Или ничего, а?

– Люди живут, и мы жить будем. Авось. А что это ты за-
теял? – Женька кивнул на канаву, вырытую вокруг дерева. –
Никак орошение?

– Как же, орошение. – Деев усмехнулся, помолчал, отсту-
пил на шаг, чтоб Женька мог оценить его работу, чтоб вид-
нее было сделанное. – Выкапываю. Пересаживать буду. У ме-
ня ить первый этаж, вот под окном рябины и посажу. Весна
придет, а я как в старом доме живу. Каково?

Деев задорно подбоченился, но Женька видел, что старик,
робея, ждет одобрения, боится, как бы не посмеялись над
ним.

– А что, это ты в самую точку, – великодушно одобрил
Женька. – Надо будет и себе присмотреть парочку деревьев,
как думаешь?

– Во-во! – обрадовался старик. Он снял шапку, пригладил
седые спутанные волосы и снова нахлобучил ее на голову.
Одно ухо у шапки было надорвано, болталось, козырек на-
висал на глаза, и синие глаза Деева светились откуда-то из
глубины, из остатков кроличьего меха. – Своим говорю: пе-
реселитесь, пообнежитесь в тепле, а там, глядишь, эта вот
избенка сниться начнет. И запах, говорю, приснится, и стены
шершавые, и полы щелястые... Проснетесь, говорю, со сле-
зами на глазах... Смеются. Понял? Не верют. К газовым под-
дувалам рвутся. Краники блестящие повертеть не терпится.
По унитазу сохнут. Подумать только – унитаз! Показывали
кино по телевизору, и надо же, унитаз на экране мелькнул.

Оглядываюсь на дочку, а у нее глаза горят и румянец. Во как! Розовый, говорит, хочу. Белый – он холодит. Понял?

– Ну что ж, – рассудительно заметил Женька. – К культуре девка тянется.

– Хороша культура! – Деев по-кошачьи фыркнул, но глаза его оставались серьезными, даже печальными. – Что получается – забывать начинаем, для чего какой предмет сделан. – Деев оперся грудью о рукоять лопаты и смотрел, смотрел куда-то в переплетения серых, синеватых, сиреневых ветвей, в редкие белесые листья, оставшиеся на деревьях. – Нет, мил-человек, культура – это когда жилье свое ценишь, людей уважаешь, которые стоят того, когда сам уважение людей оправдываешь... А книжки в шкафу, штаны в облипочку, розовый горшок – это так, блажь одна... Больно просто все это, больно легко стало культурным заделаться... А раз легко, то и желающих толпы. Все так к этой культуре бросились... того и гляди затопчут.

Женька рассмеялся, но спорить не стал.

– Своим-то говорю... Вы, говорю, в той квартире и погоды не увидите. Вода горячая, вода холодная, тепло, сухо, мухи не кусают... А тут вся жизнь на погоде... Вот листья упали – так они же нам на плечи упали, под ноги... Снег выпал – мы его с крыши сметаем, с крылечка веничком сметаем, лопатой дорожку к сараю разгребаем, а? То-то и оно! Холода настали, а мы дровишки колем, на руки дуем, пар изо рта, полешки звенят, смолой пахнут, лесом! В дом их внесешь,

бросишь у печки, а они сразу потускнеют, влагой возьмутся, запотеют... И запах от них! – Деев закрыл глаза и покачал головой. – А весна! Ветки в окно стучатся, на них цветы яблоневые, насекомые разные в саду гудят, из-под каждого комочка жизнь прет! Подумать только – жизнь прет! А осенью выйдешь, а? На листьях, на траве изморозь по утрам. На антоновке иней, слабый такой, прозрачный иней, дохнешь на яблоко, а оно тут же капельками мелкими пойдет. Укусишь яблоко, с хрустом отломится бочок, и зубы ломит. А внутри, в антоновке, прожилки медовые...

– Хватит, батя! – Женька замахал руками. – Нет сил слушать!

– Говорю своим, надо, дескать, деревья под окнами на новом месте посадить. Опять смеются. Понял? Счастливые. Деревя им уже не дюже... Им асфальт подавай, чтоб каблучками постучать, душа у них тает от этого перестука.

К ним, осторожно ступая по листьям, шел пес. У него была странная кличка – Кандибобер. Может быть, когда-то, лет десять-пятнадцать назад, его и не зря так называли, но теперь эта кличка вызывала лишь улыбку. Передвигался Кандибобер неуверенно, и зубов у него было гораздо меньше положенного.

Подойдя к Дееву, Кандибобер ткнулся мордой в колени, качнул хвостом, не в силах, видимо, поднять его, свернуть, как бывало, в радостное, солнечное кольцо на спине, и тут же, подогнув ноги, неловко рухнул на сырые листья. Деев на-

клонился, потрепал собаку за ухо, легонько пошлепал по щекам. Кандибобер положил морду на передние лапы и успокоенно прикрыл глаза. Дескать, мне бы только рядом побыть...

– С ним как? – Женька кивнул на собаку.

– С собой заберу.

– А они? – Женька показал на окна.

– Пусть как хотят, а пес пойдет со мной, – резковато ответил Деев. Видно, в доме уже обсуждали, как быть с собакой, и Кандибобер, понимая, что речь идет о нем, шевельнул хвостом по листьям, улыбнулся, не открывая глаз, что-то проворчал про себя.

– Ты это... присмотри деревцо. Пока по дорогам мотаться будешь, я тут не торопясь и вырою. Главное, чтоб побольше корней захватить, обрыть со всех сторон канавой, корни обшить досками и вместе с землей на новое место. Оно и не услышит. Проснется весной – как после наркоза. Глядь, а вокруг новые места, дома, машины по дорогам, то-то удивится!

– Да ладно, сам вырою. Не сегодня же переселяться... Как там вокруг дома-то? Жить можно?

– Что вокруг – пустырь. Земля перерыта, глина, лужи, ямы, плиты брошенные, трубы... Бульдозером их в землю повдавливали, чтоб назад со стройки не увозить. Ну что, искорежить искорежили, но так и не зарыли. Что там еще?.. Батареи проломленные – как их можно проломить? Вот скажи мне, как можно чугунную батарею парового отопления испортить? Не иначе как с умыслом, кувалдой. Унитазы по-

битые, двери размокшие, а уж кирпича – как после бомбежки. Не пойму я этого, никак не пойму! – В глубоких синих глазах Деева застыли боль и недоумение.

– Что тут понимать! – Женька со злой безнадежностью махнул рукой. – Кой-как слепили – и на другой объект. Время спишет. Такие строители!

– Не-е-ет! – Деев покачал головой. – Дело не в том, что, дескать, строители плохие попались. А если бы другие были, все иначе у них вышло бы? Нет. Все как-то одно к одному идет – вот беда. Дорогу за лесом строили, помнишь? Пройдись по кустам вдоль шоссе – сколько там куч бетона, асфальта, щебня! Мало того, что материал загубили! И хоть бы хны!

Во как... Но ты не переживай, внутри там, в нашем доме, все чисто. Полы крашенные, обои зелененькие, в клеточку. Шкафы встроенные, так что и мебели особо не нужно. Но встроены неважно – я уж там в окна позаглядывал. Дверцы кривые, прибиты косо, переделывать придется.

– Переделаем, – хмуро ответил Женька. – Лишь бы на голову не капало.

– Это как получится. Воду пока не подключили и, слышал я, будто еще месяца два не будут подключать, не подтянули трассу, да и слесарей у них не хватает. Но ты того, ордер-то получай, а то знаешь как бывает: придешь, а тебе говорят – кончились ордера. Во как! Хоть криком кричи, а их нету, кончились. И все тут! Смотри, сосед, не хлопай ушами-то,

побереги уши, сгодятся!

* * *

Переезжали в новый дом постепенно, мало-помалу привыкли к нему, прощаясь со стенами, запахами деревянной избы. И ночевали через раз – то в низковатой гулкой квартире, то на старом месте. Каждый день что-то уносили с собой, оставляя безнадежный хлам, который ну никак не сгодится в новом жилье: топоры, лопаты, угольные ведра, утюги, самовары, которыми пользовались последний раз в войну. Назвать переселение веселым было нельзя – каждый угол, каждая доска в доме, дерево в саду, тропинка к калитке так обросли воспоминаниями, что попросту невозможно было проститься с садом легко, спокойно, без боли. В конце концов, оставляли не только старые стены – оставляли собственные годы.

Деев часами бесцельно бродил по дому, шаги его отдавались эхом в пустых комнатах. Он подходил к одному окну, к другому, смотрел в прозрачный сад, поднимал с пола какую-нибудь ненужную теперь вещь, повертев ее перед глазами, ронял на пол и шел дальше. За ним неслышно брел Кандибобер, покачивая хвостом и время от времени вздыхая, будто хотел этим выразить свое сочувствие, понимание...

Были минуты, когда дом казался Дееву чуть ли не живым существом, притихшим, чутко прислушивавшимся к каж-

дому слову людей, к каждому их шагу, словно он пытался узнать, что же его ждет? «Да, брат, – бормотал Деев, – тут уж ничего не попишешь, ничего от тебя уж не зависит...» Он стал замечать, что дом вроде стал суше, теплее – может, показалось? Нет, крыша уже не протекала, осенние дожди не заливали подоконников – отчего бы это? И двери будто плотнее стали закрываться, тяга в печке улучшилась, теперь огонь за чугунной дверцей прямо гудел, вырываясь через черные запутанные ходы в низкое отсыревшее небо. Приложив руку к стене, Деев озадаченно наклонял голову – надо же, греет! И доски пола, которые еще совсем недавно прыгали и прогибались на одряхлевших балках, теперь лежали плотно, будто сцепившись друг с дружкой в отчаянной надежде остановить людей, задержать их если не навсегда, то хотя бы на зиму, еще на одну зиму, а уж весной-то, летом у людей не хватит сил уйти отсюда. Не смогут, не смогут, не смогут. Не уйдут.

Конечно, все эти перемены можно было при желании объяснить иначе, проще. Доски уплотнились, потому что отсырели после осенних дождей, тяга в печке улучшилась, потому что похолодало, исчезла давящая сырость, да и хороший уголь перестали жалеть, к чему он теперь, уголь-то?

Но Деев не торопился ударяться в эту занудливую трезвость – печаль старого дома была так созвучна его собственной. Он помнил, как строили этот дом, как он, еще мальчишкой, слизывал смолу с сочившихся бревен, как пахло

этой смолой, свежими стружками, и все в доме было светлым, праздничным: стены, пол, потолок, подоконники. Потом все потускнело, будто повзрослело. Как-то Деев решил маленько подровнять выступающее бревно и совсем немного стесал, два раза топором ударил, но из стесанного места брызнул почти забытый им золотистый цвет. Внутри дерево оказалось таким же светлым и радостным, каким оно осталось в памяти, каким было пятьдесят лет назад, когда он бегал здесь по шуршащим стружкам и жевал необыкновенной вкусноты горькую сосновую смолу. От зачищенного места пахло сосной и детством. «А дом-то молодой, – подумал Деев. И еще подумал: – Как и все мы, если пообтесать маленько, шкуру нам подновить, физиономию разгладить... И сейчас бы в чужой сад за сиренью полез. А что, – хмыкнул Деев шало, – ей-богу, полез бы!»

Он подошел к умывальнику и уставился на себя в маленькое тусклое зеркальце. Но, кроме напряженно смотрящего на него немигающего стариковского глаза, ничего не увидел. Чуть отклонившись в сторону, он совсем огорчился: в зеркальце замелькали его небритый подбородок, красноватый нос, вскинутые белесые брови...

– Да, – протянул Деев вслух, – многовато стесывать придется.

Когда уже шло переселение, Деев стал замечать, что во-круг дома все чаще появляются странные тени. Они торопились скрыться, нырнуть в темноту, едва замечали, что на них

обратили внимание. Выглянув иногда из окна, из двери сарая, обернувшись от собачьей будки, Деев видел в сумерках ступки темноты у забора, под яблоней, на углу. Но стоило хлопнуть дверью, кашлянуть погромче, позвать Кандибобера, тени тут же исчезали. Ранним утром или уже вечером они проникали во двор сквозь щели в заборе, а которые посмелее, бесшумно входили в калитку, опасливо приближались к самому дому и, пройдя вдоль стены, пригнувшись, чтобы их не заметили из окон, исчезали, уходили тем же путем. Иногда, собравшись по двое, трое, они подолгу стояли в кустах, переговариваясь друг с другом. Но сколько ни прислушивался Деев, ничего, кроме шелеста листьев, разобрать не мог. Замечал тени и Кандибобер, но стоило ему залаять, как они тут же растворялись в осенней дымке.

Деев злился, ворчал недовольно, случалось, нарочно стучал чем попало, без надобности звал Женьку, разговаривал с ним во весь голос, стараясь этим распугать ненавистные привидения.

– Ты чего бурчишь, батя? – не выдержал как-то Женька.

– Ходют, ходют, дождаться никак не могут. Жив я еще, жив! И дом, и сарай стоят как стояли. Видно же, что люди живут здесь – свет горит, занавески на окнах, собака лает... И нечего тут шастать, нечего хоронить меня раньше времени!

– Да о ком ты, батя?!

– А вон, – Деев неопределенно махнул рукой в сторону

сада. – Дровишки им нужны. Уж из-под тебя готовы доски рвать! Ну, народ, спасу нет!

– Вон ты о чем! А я уж подумал грешным делом – заговаривается сосед... А эти... Они правильно делают. Не всех ведь сносят, зима идет, холодно зимой-то...

– Да что я, против?! Я не против! Ломай, круши, поджигай! Чего хочешь вытворяй. Но дай сначала мне по-людски уйти. Ить не унесу я дом с собой-то! Оставлю. Негде мне его в квартире разместить. Вчера смотрю из окна, а они уж кусты смородины роют! Не жалко смородины, даже хорошо, что выроют, не пропадет смородина, мне на душе спокойно от этого... Но дай уехать спокойно!

– Да, батя, – вздохнул Женька, – тяжело, я смотрю, тебе уезжать, ох тяжело!

– А тебе? Тебе легко?

– Как сказать... – Женька обвел взглядом двор, дом, ковырнул ногой землю, помолчал. – А знаешь – легко. Надоело. Люди в гости ходят, в отпуск ездят, просто в окно глядят, а ты мордуйся возле этого дома с утра до ночи. Там течет, там сифонит, там, не успеешь оглянуться, уж зима катит в глаза... Нет, батя, я рад. Да и твои, я смотрю, ожили, голоса веселые.

– Веселые голоса, – подтвердил Деев. – Веселей не бывает. Они уж чемоданы сложили, узлы связали, перетаскивать потихоньку начали, я сходил все банки, бутылки сдал... Дело за тобой, а, Жень? Перевезешь? Там два шкафа, кровати...

– Перевезу. Дело простое. А с деревьями как же?

– Опять на тебя надежда. – Деев осторожно посмотрел на Женьку. – Ты не беспокойся, я после твою машину вымету, все честь по чести... А?

– Не выйдет.

– Что так? А, Жень?

– Не поднимем мы с тобой эти кубы земляные, надорвемся.

– Авось! Люди добрые помогут.

– Ну ты, батя, даешь! Оно тебе надо? Двадцатилетние деревья с собой таскать... Обалдеть можно. А как же с домовым? С собой берешь или оставляешь?

– Как сам решит, – серьезно ответил Деев.

Женька весело глянул на старика, хотел спросить что-то потешное, озорное, но сдержался.

Жена Деева, Вера, была женщиной деловой, энергичной и словно бы вечно озабоченной важными делами, которые непременно нужно закончить сию минуту. По опустевшим комнатам она ходила гулко и быстро, эхо металось за ее спиной, множась и дробясь; нерасторопный Деев лишь в последний момент успевал шарахнуться в сторону, чтобы пропустить жену с узлом, с мешком, набитым старой обувью, торопящейся в другую комнату, где, конечно же, ее ждут не дождутся.

– Посторонись! – весело кричала дочь, видя растерянность отца. – Посторонись! – и хохотала, припадая к стенам.

– Ты это... – начинал говорить Деев, но заканчивать уже не было надобности, поскольку Вера, только что стоявшая у раскрытого шкафа, уже звенела тарелками на кухне.

– Дорогу, папаня! – кричала Наташка, и он послушно прижимался спиной к стене, чувствуя лопатками, затылком, ладонями крутые сглаженные бревна.

– А ну-ка хватит кукситься! – сказала Вера. – Затяни вот этот узел! Так... молодец. А теперь отойди.

– Ты это... Вера...

– Ну? – резко, на ходу обернулась жена. – Чего тебе?

– Надо бы посидеть... Напоследок... Положено...

– Насидишься! – Сдернув со стола клеенку, она с глумом свернула ее в рулон. – Наташка! Держи!

– Куда ты, маманя? Она же изрезанная вдоль и поперек! От старости ломается.

– Там разберемся! А ты чего маешься? – Вера повернулась к Дееву. – Давай, давай, шевелись! Не стой на месте! Мы еще одну ходку успеем сделать. На завтра пустяки останутся.

– Так я это... с Женькой договорился... Он завтра все и перевезет с утра.

– Как же, перевезет! Он еще свое не перевозил!

– Сказано – перевезет, – упрямо повторил Деев.

– Ну ладно, посмотрим.

Двери были распахнуты, с окон сдернуты шторы и занавески, подстилочки и дорожки, которые прикрывали щели в полу, выщербленные доски, круглые мышиные дыры,

лежали теперь свернутые в плотные колбаски, и дом сразу стал холодным и чужим. Квадраты окон пугающе выделялись черными провалами в неизвестность.

Войдя из полутемного коридора в кухню, Деев опешил. Среди разгрома, среди тряпья, мусора, битой посуды, которую хранили годами в надежде когда-нибудь склеить под настроение, среди дырявых кастрюль и проржавевших ведер возвышался ободранный, щелястый стол, а на нем одиноко и значительно стояла зеленоватая с лиловой нашлепкой бутылка водки. Над ней на длинном мохнатом шнуре раскачивалась пыльная лампочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.